

«Бесконечное издевательство!» — вскипел Сюэ Сянь, уже было собрался вывернуться наружу, но, высунувшись наполовину, вдруг замер. Он искоса взглянул на связку медных монет на поясе лысого монаха и подумал: самое время!

Закусив кончик языка и вытянув когти, он, словно на рыбалке, подцепил монашескую связку, сунул её тому в руку и, запрокинув голову, выпалил: «Чего ждёшь!»

Сюань Минь пальцем втолкнул его обратно: «Не спеши. У этого родинка на левой щеке».

«...» У Сюэ Сяня от возмущения перехватило дыхание, и он снова повис на краю тёмного кармана Сюань Миня.

На сей раз Лю Чун и впрямь оказался таким, как говорил Сюань Минь: родинка на левой щеке, халат — тот же серо-голубой, что и утром. С головы до пят — ни единой зацепки.

Очевидно, теперь перед ними настоящий хозяин.

Войдя в узкую дверь, Лю Чун выражал на лице три части недоумения и семь — досады. Он шёл, оглядываясь через каждые три шага, переступил порог, сделал пару неуверенных движений и лишь тогда заметил Сюань Миня.

Сперва он замер, затем лицо его обвисло, а брови сомкнулись в скорбную дугу: «Я только что видел... видел бабушку...»

Говоря это, дурак тыкал пальцем за дверь: «Вон там».

Бабушка? Та самая старуха Лю?

Они только что оторвались от погони — неужели этот простофиля снова накликал на себя неприятности?!

Повисший на кармане Сюэ Сянь встрепенулся, поднял голову, уставился на Лю Чуна и машинально спросил: «Где она?»

«Я побежал за ней, но бабушка ушла», — жалобно ответил дурак, и в голосе его слышалась тревога. Он даже не заметил, что вопрос задал не Сюань Минь. «Она на меня не смотрела, я нигде не мог её найти, совсем нигде».

Он теребил пальцы, выглядел удручённо. Скорбно уставившись в узкую дверь, он спустя мгновение безнадежно произнёс: «Хочу, чтобы бабушка со мной поговорила...»

Сюэ Сянь припомнил слова советника Лю и его приятеля. Старуха Лю, должно быть, уже умерла — и, по слухам, её залечили родители Цзян Шинина. После кончины старухи лекарский зал семьи Цзян охватил пожар, и он выгорел дотла.

Цзян Шинин умер три года назад, значит, и старуха Лю скончалась как минимум три года назад.

У простаков обычно одна забота в голове: если говорит «хочу», значит, и вправду думает об этом день и ночь. Эти три года, наверное, были для него особенно долгими и одинокими.

«Пошли», — бесстрастно махнул ему Сюань Минь и, не дожидаясь, зашагал к ветхому флигелю.

Возможно, его облик буддийского монаха был слишком внушительен, а может, стремительность не оставляла времени на раздумья. Дурак Лю Чун машинально засеменил следом, пошатываясь, поравнялся с Сюань Минем и, запинаясь, пробормотал: «Я... я хочу найти бабушку».

«Не торопись, сначала в дом», — не удержался Сюэ Сянь, принявшись дурачить его.

Лю Чун помолчал, затем снова: «Всё равно... всё равно не терпится».

Сюэ Сянь отрезал: «Потерпи!»

Лю Чун покосился на холодный профиль Сюань Миня — казалось, он его побаивался. Прошёл ещё пару шагов, затем, набравшись смелости, заныл: «Почему ты говоришь, не открывая рта?»

Сюань Минь: «...»

Сюэ Сянь, не моргнув глазом, соврал: «Чревовещание. Говорю животом».

Лю Чун медленно перевёл глаза на живот Сюань Миня.

Сюань Минь: «...»

К счастью, пока они переговаривались, они уже стояли у порога. Стоило переступить его — и они выйдут из пространства расклада.

Сюань Минь, не раздумывая, шагнул вперёд, одновременно подтолкнув Лю Чуна, который плелся в полушаге сзади. Тот пошатнулся и одной ногой переступил порог.

В тот миг, когда вторая нога уже должна была последовать за первой, откуда-то донёсся звук «тук-тук» — точь-в-точь как будто что-то стучало по каменной плитке.

«Э?» — Лю Чун, кажется, никогда в жизни не реагировал так быстро.

Поднятая нога замерла на месте, он инстинктивно крикнул «Бабушка!», затем отдернул ногу, уже переступившую порог, и рванул обратно.

«Эй, стой!» — не сдержался Сюэ Сянь.

Он увидел, как Сюань Минь поднял руку, будто собираясь схватить дурака, но, не доведя движение до конца, услышал в голове глухое «у-у-у». В глазах потемнело, всё завертелось.

Лишь на мгновение — и картина перед глазами сменилась полностью. Они стояли у двери флигеля Лю Чуна, перед ними — землистое лицо Цзян Шинина, а самого Лю Чуна и след простыл.

Очевидно, они выбрались из пространства расклада. А в последний миг Лю Чун отшатнулся — и остался внутри.

«Наконец-то вы...» — Цзян Шинин, увидев их целыми и невредимыми, облегчённо выдохнул. Но не успел он и до конца выдохнуть, как снова напрягся: «А господин Лю и советник Лю? Всё ещё там?»

Сюань Минь кивнул и, не говоря ни слова, развернулся и направился во внутреннюю комнату.

Пока он молчал, Цзян Шинин тоже не решался заговорить. Медленно последовав за Сюань Минем, он остановился у порога и смотрел, как тот присел перед вбитыми в пол медными гвоздями и талисманами.

Цзян Шинин в таких вещах не смыслил, а вот Сюэ Сянь кое-что понимал.

Разрушить пространство расклада можно двумя способами: изнутри наружу или снаружи внутрь.

Если угодил в ловушку — ищи выход. А если находишься снаружи и хочешь вызволить тех, кто внутри, проще всего разрушить саму ловушку.

Разумеется, разрушение — целое искусство, подумал Сюэ Сянь. Ведь те, кто кормится с духов и божеств, живут именно настройкой и разгадкой раскладов. Если бы всё решалось просто, чем бы они тогда занимались?

Увидев, как Сюань Минь присел перед жёлтыми талисманами, он тут же оживился, вытянул шею и уставился, желая хорошенько разглядеть, как же этот лысый монах будет разгадывать расклад и какие штуки покажет.

Протянул руку, протянул!

Сюэ Сянь, не отрывая глаз, наблюдал, как Сюань Минь тянется к талисманам на полу и хватает один из медных гвоздей.

Сейчас порежет руку и окропит кровью? Или, может, какой-то пальцевый приём?

Сюэ Сянь, затаив дыхание, продолжал следить и строить догадки.

Но тут Сюань Минь приложил усилие, вытащил из пола наполовину вбитый гвоздь и сорвал нанизанный на него жёлтый талисман.

Затем...

Вытащил второй гвоздь, сорвал второй талисман.

Потом третий.

И на этом всё.

Сюэ Сянь: «...»

Он смотрел, как Сюань Минь самым обыденным способом уничтожил гвозди с талисманами, неспешно вытер руки, и выражение его лица стало таким, будто он осушил до дна реку Хуанцюань. Неизвестно, выживут ли другие шарлатаны, увидев такое, но сам он жить больше не хотел.

Сюань Минь вышел в основную комнату, окинул взглядом стол, отыскал в углу лучинку, чиркнул ею о стену, зажёг крошечный огонёк и без лишних церемоний сжёг все три талисмана.

Разумеется, для Сюэ Сяня, «не желавшего жить», этот шаг был уже неважен.

Судя по всему, ловушка разрушена — и вот-вот послышится вопль дурака Лю Чуна.

Однако прошло время, достаточное для одной чашки чая, а Лю Чун с советником Лю так и не появились.

Сюэ Сянь высунул шею, глянул за дверь, затем в комнату — кроме Цзян Шинина, не было видно даже призрака.

Не вышло? Или монах просто морочит голову?

Судя по предыдущему, иньская энергия в этом флигеле была столь густой отчасти из-за расклада «Отвод реки в море», отчасти потому, что здесь были Врата Смерти.

Но теперь Врата Смерти превратились в Врата Жизни, расклад «Отвод реки в море» разрушен монахом самым простым и грубым способом — а иньская энергия в доме и не думала рассеиваться.

За окном уже всюду сиял утренний свет, заливая усадьбу Лю. Из-за противопожарной стены перед флигелем ложилась широкая тень: конёк крыши наполовину в свету, наполовину в тени — словно инь и ян сошлись воедино.

«Эх...»

Сюэ Сянь поднял голову и посмотрел на Цзян Шинина: «Чего вздыхаешь? Не ты же в ловушке застрял».

Цзян Шинин с невинным видом ответил: «Я не вздыхал. Разве это был не ты?»

Сюэ Сянь твёрдо возразил: «Конечно, не я! Я никогда не вздыхаю — уныло это».

Цзян Шинин: «...»

Сюэ Сянь: «...»

<http://bllate.org/book/16289/1467824>